

Священник Александр Щелкачев,
профессор, зав. кафедрой Истории Русской Церкви ПСТГУ,
священник Александр Мазырин,
магистр богословия, кандидат исторических наук, доцент ПСТГУ,
Б.А. Филиппов,
кандидат исторических наук, профессор ПСТГУ

Церковно-государственные отношения в период коллективизации

Принимая решение о коллективизации, партийная верхушка имела в виду достижение экономических и социальных результатов. Изменение политики по отношению к Русской Православной Церкви и другим существовавшим в стране конфессиям не обсуждалось. Но при проведении принятых решений в жизнь появились дополнительные директивы, устанавливавшие связь коллективизации с антицерковной борьбой. При рассмотрении церковно-государственных отношений периода коллективизации надо уделить внимание также имевшим место в это время изменениям и решениям в этой области, никак не связанным с политикой коллективизации.

Прежде всего, надо дать оценку роли И.В. Сталина в жизни страны и его отношению к Православной Церкви. Во-вторых, надо кратко описать задачи коллективизации и ее результаты. В-третьих, нужно напомнить об основных принципах политики большевиков по отношению к Церкви и о взглядах высшей иерархии, приходского духовенства и верующих мирян на положение Церкви.

Говоря о роли И.В. Сталина, первого человека в коммунистической партии, нельзя не согласиться с оценкой Троцкого, что с 1925 г. он был диктатором, но не был «вождем». Порвав со своими старшими соратниками и сосредоточив в своих руках реальную власть, Сталин стремился создать впечатление, что, в отличие от образовавших новую оппозицию «вождей», он проводит в жизнь коллективную волю партии, не возносится над другими партийными работниками. Одновременно подчеркивалась роль союзника Сталина Н.И. Бухарина, как ведущего теоретика партии. В личной беседе Сталин даже говорил, что – мы с тобою Гималаи, а остальные – мелюзга.

В 1929 г., следуя за секретарем Московского комитета партии Лазарем Кагановичем, Киров и партийные лидеры в Ленинграде стали организовывать бурные аплодисменты при упоминании имени Сталина. Появились грубо искажающие историческую действительность статьи, приписывающие Сталину исключительные заслуги в подготовке революции, организации армии и победы в войне. В узком кругу партийных лидеров заявлялось, что это необходимо для сплочения партии вокруг Сталина в противостоянии оппозиции.

В новой обстановке меняется отношение Сталина к государственным и общественным проблемам. Ранее его позиция определялась целью завоевания и укрепления власти (о чем пишет, в частности, его секретарь Бажанов в опубликованных за границей воспоминаниях).

После устранения соперников Сталин определяет направление всех важных партийных и государственных решений, либо проявляя личную инициативу, либо утверждая предложения других. Все успехи приписываются в той или иной мере его мудрому руководству и поддержке, за ошибки несут ответственность другие люди по явному или тайному указанию Сталина.

Программа коллективизации, которую он лично начинает энергично проводить в жизнь, в своей основе заимствована у Троцкого, она осуществляется, в частности, при поддержке бывших троцкистов.

Официально коллективизация имела две главных цели. Первая – ликвидация деревенской буржуазии (кулаков), эксплуатирующих чужой труд, и их сторонников, после чего остальная часть крестьянства сможет перейти к социалистической кооперации. При этом будет повышена производительность сельского хозяйства, что необходимо для осуществления индустриализации страны.

Реально коллективизация свелась к выселению наиболее трудоспособной части крестьянства и передаче их имущества главным образом организуемым колхозам, а частично (дома и подсобные помещения) – активным сторонникам коллективизации беднякам, которые хотя бы внешне получали материальные выгоды. На их поддержку могли рассчитывать присланные из города для проведения коллективизации коммунисты. Следует подчеркнуть, что даже получившие в личное пользование имущество выселенных кулаков, имели лишь призрачный внешний материальный выигрыш.

Продукты коллективного труда объединившихся в колхоз крестьян передавались государству, которое использовало их для торговли с границей, закупая технику для индустриализации в обмен на продовольствие, а также для пропитания городского населения. Бедняки были наименее трудоспособной частью сельского населения, что нередко было связано с пьянством, и после удаления из деревни главных тружеников оставшиеся крестьяне не могли поддерживать уровень сельскохозяйственного производства на прежнем уровне. А государство желало получать больше, чем до коллективизации. В время второй мировой войны на оккупированных территориях немецкая администрация приняла решение сохранить колхозы, т.к. по их словам колхоз – это лучший способ забрать у крестьян абсолютно все.

Помимо крестьян, высланных на поселение для выполнения тяжелых работ (лесоповал и пр.), очень многие инициативные и трудолюбивые люди бежали в город, не желая переходить на положение государственных крепостных рабов. Это также отвечало целям коллективизации, т.к. государству была нужна рабочая сила – помимо высланных на поселение «кулаков» и заключенных в лагерях «врагов народа».

До коллективизации, по-видимому, можно было говорить о некотором выигрыше в материальном отношении городских рабочих (пролетариата) от большевистской революции, т.к. крестьяне покупали промышленные товары по завышенным ценам, сдавая продовольствие по низким. Рабочие имели дешевое пропитание и при очень низкой производительности труда получали примерно столько же, сколько их коллеги в Европе и Америке за гораздо более интенсивный труд. Новые, прибывшие из деревни рабочие были во всяком случае очень плохо обеспечены жильем, да и условия их труда были заметно хуже, чем на старых известных заводах и отдельных индустриальных новостройках, использовавшихся для рекламы достижений октябрьской революции.

Секретный указ ГПУ за подписью заместителя наркома Г.Г. Ягоды, предлагая рассматривать наиболее прилежных церковных прихожан и членов церковных общин как кулаков и подкулачников, самым непосредственным образом соединял коллективизацию с гонением на Православную Церковь. Согласно статистике, собранной в работах профессора Н.Е. Емельянова, на годы коллективизации приходится заметное увеличение числа арестованных священников и приходских активистов. В целом число репрессированных в эти годы заметно больше, чем в период кампании по изъятию церковных ценностей, но смертных приговоров в это время выносятся меньше. Значительной части обвиняемых в это время предъявлялись обвинения в пропаганде против колхозов, в борьбе против коллективизации. Обвинения такого рода зачастую предъявлялись без всякого повода, иногда на основании сочувствия к бедственному положению выселенных и тяжелой жизни оставшихся.

Итак, в период коллективизации масштабы общецерковных репрессий возросли, а меры, направленные против религии, приобрели новые своеобразные черты. В целом большевистская власть продолжала выработанную в первой половине двадцатых годов политику по уничтожению Церкви.

Главным вдохновителем борьбы с верой безусловно был сам В.И. Ленин, статьи которого «О значении воинствующего материализма», «Об отношении рабочей партии к религии» вместе с пользующимся непререкаемым авторитетом сочинением «Материализм и эмпириокритицизм» (автор этого сочинения, десятки раз повторяющий слово «поповщина» на его страницах, очевидно, совершенно не понял смысла новых направлений в физике), а также некоторыми цитатами из его выступлений, официально считались основой марксистско-ленинского научно-атеистического мировоззрения.

Именно авторитет Ленина препятствовал в течение всего времени существования советской власти кардинальному пересмотру антирелигиозной политики, несостоятельность которой и вред для государства в последние десятилетия перед распадом Советского Союза были очевидными.

Большую помощь в двадцатые и тридцатые годы атеисты получали от партийно-государственного аппарата, добиваясь поддержки своих действий и планов благодаря засекреченным, полным ненависти к вере указаниям Ленина, сделанным во время кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. Но, признавая вдохновляющую роль Ленина в этот период при принятии самых жестоких мер, следует помнить, что руководил этой кампанией и всей антицерковной борьбой по поручению Политбюро Л.Б. Троцкий.

Именно его установки в очень сильной степени определяли конечные цели и характер всех антицерковных мер, хотя сослаться на Троцкого, объявленного врагом народа, стало невозможно, да многие партийные функционеры вероятно и не знали, на чьих указаниях основывается их деятельность.

Несмотря на то, что план Троцкого по разгрому Церкви оказался совершенно нереальным, продолжал применяться его общий подход: «... опереться на сменовеховское духовенство (так именовались обновленцы) ... повалить контрреволюционную часть церковников ... не давая сменовеховским вождям очухаться ... к моменту созыва собора подготовить кампанию против обновленной церкви ... превратив ее (буржуазную реформацию церкви) в выкидыш». Эти расчеты покончить не только с «черносотенной», но и «обновленной» церковью в 1923 г. полностью провалились, но еще в течение почти двух десятилетий неизменно сохранялась цель уничтожения Церкви. Не считаясь с собственными законами, постоянно проводились репрессии против всех представителей «враждебного религиозного мировоззрения», несмотря на их искреннюю поддержку всех революционных достижений и призывы к верующим «не за страх, а за совесть» помогать советской власти.

До самой войны поддерживалась предложенная Троцким комбинация, когда: «... часть церкви сохраняет лояльного патриарха (на деле – местоблюстителя), которого не признает другая часть церкви, организующаяся под знаменем синода...»

Из тайных документов такого рода однозначно следует вывод о невозможности продолжения Церковью своей деятельности в рамках советских законов, даже при условии сколь угодно больших уступок секретным требованиям властей - устранить нежелательных для советской власти лиц, приспособиться к советскому укладу (новый календарный стиль) и идеологии и пр.

Но в описываемый период представления о необходимости «спасать Церковь» за счет компромиссов с большевиками сохраняли очень многие. С этим связаны расколы и разделения, последовавшие после принятия митрополитом Сергием (Страгородским) нового курса, начало которого было ознаменовано созданием 18 мая 1927 г. с разрешения властей

Временного Патриаршего Синода и выходом 29 июля «Послания пастырям и пастве», которое обычно называют Декларацией 1927 г.

Лживое заявление о законности большевистских репрессий в отношении духовенства и верующих, якобы вызванных только их контрреволюционными действиями, а не борьбой большевиков с христианской религией, восхваление мнимых достижений революции и вмешательство безбожной власти во внутрицерковные дела, вызывали протесты, смущали совесть верующих, хотя на разрыв церковного общения большинство не решалось.

Протоиерей Григорий Синицкий, пострадавший за Христа в ту эпоху, писал: «... с полной уверенностью можно сказать, что духовенство теперь более чем когда-нибудь начинает понимать, что не мы, а они стоят на неправильном пути, но предпочитают закрывать глаза на будущее. Благо, всегда есть оправдание, что подчиняются законной власти, которая и должна за все ответить». Вопреки представлениям отделившихся от митрополита Сергия людей, ГПУ, в особенности в первый период, ограничивало масштабы репрессий по отношению к раздражавшим их своими антисоветскими высказываниями «непоминающим», чтобы поддержать внутрицерковный раскол, и одновременно арестовывало безусловных сторонников митрополита Сергия, если их проповеднический дар способствовал укреплению веры в народе.

Следует указать и на скрытую связь коллективизации с развертыванием антицерковных репрессий, определявшихся международным положением СССР.

Вероятно, в начале 1927 г. осуществлявшие антицерковную политику функционеры получили указание смягчить меры, так как пришедшее к власти в Великобритании правительство консерваторов порвало отношения с СССР и искало союзников для борьбы против большевистского государства. Возможно, что в связи с этим митрополиту Сергию были даны некоторые обещания (не реализованные впоследствии) и смягчены требования для получения легализации Церкви.

Приблизительно через год выяснилось, что британские консерваторы не могут найти солидных союзников для борьбы с большевиками, а вскоре начался мировой экономический кризис, и угроза интервенции практически исчезла. В новых условиях большевики могли смело осуществлять непопулярные преобразования. В частности, можно было ничего не опасаясь проводить коллективизацию и вводить административные ограничения не только против православных верующих, но и против представителей других конфессий, в том числе римо-католиков. До тех пор они сохраняли иллюзии из контактов с советскими дипломатами о том, что большевики, разгромив православных, разрешат римо-католикам занять их место или хотя бы позволят заниматься миссионерством. Узнав о многочисленных арестах и закрытии костелов вместе с православными храмами, папа Пий XI объявил «молитвенный крестовый поход», понимая, что никаких мер, кроме морального осуждения, западная общественность и правительства не примут. Православные эмигранты отклонили призыв совершать совместные с римо-католиками молебны о гонимых в Советском Союзе христианах. Это выглядело вполне естественно, учитывая насильственные меры против Православной Церкви в Польше, вынуждающие православных принимать унию или просто переходить в католичество. Не забывали и о поддержке, которую получили обновленцы в своей борьбе против «тихоновцев» от папского представителя епископа д'Эрбиньи.

Однако заявление митрополита Сергия об отсутствии гонений на Церковь в Советском Союзе неприятно поразило его последователей. Так, ленинградский митрополит Серафим (Чичагов) отказался от каких-то объяснений по поводу этого интервью Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и посоветовал подождать прибытия в Ленинград члена Синода архиепископа Алексия (Симанского), но и этот последний не смог удовлетворительно разъяснить происшедшее огорченным верующим.

Некоторые обстоятельства появления этого интервью от 5/18 апреля 1930 г. раскрывают характерные особенности церковно-государственных отношений. Существенно, что в это же самое время католический епископ в Минске (единственный легальный римо-католический архиерей в Советском Союзе) сделал точно такое же заявление об отсутствии преследований за веру в СССР, опровергая таким образом своего непосредственного начальника – папу Пия XI. Об этом умалчивала и продолжает умалчивать римо-католическая пропаганда, указывающая на слабость Первоиерарха Русской Православной Церкви, «отвергнувшего протянутую папой руку».

Причины экстраординарной угрозы, вынудившей у этих лиц весьма нежелательные для них заявления, стали известны лишь после распада СССР и открытия ряда секретных архивов. Оказалось, что митрополит Сергей долго отказывался огласить текст, предлагавшийся ему работником ГПУ Е.А. Тучковым, пытался заменить его смягченными формулировками. В результате вопрос об опровержении представителями функционировавших в СССР церковных конфессий «папской клеветы» на советскую политику был вынесен на обсуждение в Политбюро ЦК партии. В результате И.В. Сталин, В.М. Молотов и Е.М. Ярославский получили партийное задание обеспечить требуемые заявления.

Учитывая жестокость генерального секретаря И.В. Сталина, можно себе представить, какие меры он мог принять по отношению к Церкви для того, чтобы выполнить поручение партии, данное ему лично. Вероятно, до сведения митрополита Сергея было доведено о личной заинтересованности генсека в выражении солидарности православной иерархии и светской власти перед лицом враждебной пропаганды. Судя по опубликованным сведениям, католический епископ был, в свою очередь, шокирован угрожающей грубостью явившихся к нему представителей ГПУ и также пошел на уступки.

Следует заметить, что это единственный известный случай непосредственного вмешательства И.В. Сталина в церковно-государственные отношения вплоть до его известной встречи с тремя митрополитами в сентябре 1943 г.

Известно, что И.В. Сталин одобрял все самые жестокие действия по физической ликвидации десятков тысяч священников и мирян, по закрытию и разрушению десятков тысяч храмов, но, в отличие от Ленина и Троцкого, в вопросах борьбы с религией он не проявлял личной заинтересованности. Существует два варианта беседы И.В. Сталина с американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. На западе были опубликованы подлинные слова генсека, содержавшие стандартные для советской пропаганды утверждения об отсутствии в СССР преследований за веру. В советской прессе вместо этого сообщается о сожалениях генсека, что «подавленное» реакционное духовенство еще не до конца ликвидировано.

Отсутствие у Сталина личной заинтересованности в церковных вопросах проявлялось в том, что все крупные кампании против Церкви привязывались, начиная именно с коллективизации, к другим партийно-чекистским мероприятиям. Так было во время «чисток от антисоветских элементов» после убийства Кирова и во время самого крупного по масштабам террора накануне «окончательной победы социализма» в СССР в 1937 г. Как показывают исследования Н.Е. Емельянова, массовые истребления партийной оппозиции (контрреволюционеров-троцкистов), всех антисоветских элементов включали и антицерковный террор.

Таким образом, хотя ленинская политика, направленная на уничтожение Церкви, имела многочисленных сторонников среди партийного руководства и сохранявших идейное влияние старых большевиков (персональных пенсионеров), постоянного покровительства у этой политики в Политбюро не было. Самым крупным из покровителей, имевшим законное право напоминать партийному руководству о необходимости продолжать ленинскую

политику, был Е.М. Ярославский. В 1929 г. его положение меняется: упраздняется антирелигиозная комиссия ЦК партии. До этого возглавлявший комиссию Е.М. Ярославский мог корректировать антирелигиозную деятельность всех органов советской власти, включая Наркомюст и ГПУ, давать указания их руководителям от имени партийного руководства, в качестве главы «Союза воинствующих безбожников» он мог оказывать давление через членов союза на органы местной власти и периодически обращаться с просьбами о поддержке к руководителям партии и государства. Упомянутое выше заседание Политбюро 1930 г. в связи с папским крестовым походом является примером самого успешного обращения такого рода.

Возникшая после упразднения Антирелигиозной комиссии Постоянная комиссия при ВЦИК имела задачу наблюдать за правильным проведением политики в отношении религиозных общин, а не вести борьбу с религией. Как правило она лишь констатировала малую часть из всех совершавшихся на местах нарушений советского законодательства о культах и лишь в отдельных случаях содействовала их реальной отмене. Исключение представляет лишь 1930 год, когда отмена противозаконных мероприятий была связана с выступлением самого Сталина, и участие Постоянной комиссии, которой руководил П.Г. Смидович, было формальным.

У историков не выработано единого мнения, в какой мере временное облегчение для Церкви в 1930 г. было связано с секретной запиской митрополита Сергия, которую он направил в Постоянную комиссию Смидовича сразу после своего интервью, и может расцениваться как благодарность за его согласие присоединиться к лживым отрицаниям советского руководства гонений на веру. Полученное облегчение можно частично объяснить реакцией на возмущение мировой общественности под влиянием крестового похода папы Пия XI. Кроме того, это может быть связано с общим «откатом» в политике коллективизации и желанием Сталина возложить ответственность за ее издержки на рядовых партийных функционеров, среди которых было много троцкистов.

В целом критика со стороны Союза безбожников в адрес местных властей за недостаточные усилия в борьбе с религиозными предрассудками приводила к противозаконным мерам против церковных общин.

Заканчивая общую оценку церковно-государственных отношений, мы приводим ниже систематическое описание мероприятий власти по отношению к Церкви.

Период коллективизации вошел в историю не только как время «великого перелома» в крестьянской политике большевистской партии, но и в ее политике в отношении Церкви. Период относительного ослабления репрессий закончился. Церковь захлестнула новая волна гонений.

Переход к новому наступлению на Церковь не был внезапным. Подготовка к нему стала ощутимой уже в 1927 г. Так, в сентябре 1927 г. В печати появилось заявление Сталина, якобы сделанное им во время беседы с делегацией американских рабочих: «Партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс. Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно еще не вполне ликвидировано»¹. В ноябре 1927 г. председатель «Союза безбожников» и Антирелигиозной Комиссии ЦК ВКП(б) Ярославский призвал покончить с «религиозным нэпом», за который он сам агитировал с 1923 г. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. Сталин выступил с критикой не поименованных «ответственных лиц, допустивших ослабление антирелигиозной работы»². В 1928 г. была введена карточная система снабжения продовольствием – священнослужителям карточки не полагались.

Одновременно с этим в конце 1920-х гг. началось новое наступление на крестьянство. Еще в сентябре 1927 г. во многих областях начались кампании по аресту «кулаков» и других «социально-опасных и антисоветских элементов». В 1928 г. большинство ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным развернуло борьбу против членов Политбюро Бухарина, Рыкова и Томского, выступивших против сталинского плана индустриализации и коллективизации. Бухаринская концепция поступательного экономического развития страны, основанная на подъеме крестьянского хозяйства и поощрении кооперации, была названа «правым уклоном». На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1928 г. Сталин сформулировал тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, откуда вывел необходимость подавления всех несогласных. Любым «либеральным» подходам, в том числе и к религии, была объявлена беспощадная война как «правому уклону». На заседании Оргбюро ЦК 10 декабря 1928 г. речь шла о «недопустимой терпимости» партийных ячеек, о «либеральничании» НКВД и Главлита по отношению к классовому врагу, «укрывающемуся за церковными вывесками», о слабом использовании политико-административных мер борьбы с религиозным влиянием, о перекардывании решения важнейшей политической задачи плечи «Союза безбожников», вместо того, чтобы навалиться на религию и Церковь всем партийно-комсомольским миром. «Мы в сто раз пассивнее, чем буржуазные революционеры Великой французской революции...» – говорил Ярославский³.

Антирелигиозная комиссия принимала решения в русле нового политического курса. В этот период АРК постановила не разрешать проводить церковные съезды чаще, чем раз в три года, сократить в два раза тиражи религиозных периодических изданий, заменить диспуты с участием священников антирелигиозными лекциями.

Политбюро 24 января 1929 г. на основе доклада «О мерах по усилению антирелигиозной работы» Ярославского, Кагановича, Крупской и Криницкого, приняло резолюцию, послужившую сигналом к репрессиям на местах. Президиум ЦИК СССР 11 февраля 1929 г. утвердил постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» с целью выявить и исключить руководителей, относящихся к категории «кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц», «не допускать впредь проникновения в эти органы указанных лиц, систематически отказывая им в регистрации религиозных объединений...»⁴. В феврале 1929 г. Сталин, назвав впервые имена группы «правых» в качестве нарушителей постановлений ЦК, упрекнул большинство ЦК в излишней снисходительности к этой группе. После этого Ярославский вывел из состава АРК сторонников Бухарина.

Местным партийным органам 14 февраля 1929 г. был разослан секретный циркуляр Кагановича «О мерах по усилению антирелигиозной работы», направленный против религиозных групп, как «единственных легально действующих контрреволюционных организаций, ... мобилизующих реакционные и малосознательные элементы против советской власти»⁵. Циркуляр призывал разъяснять трудящимся, что «административные меры... не являются «гонениями» на веру, за самое отправление религиозного культа». Религиозные «вожаки» обвинялись как участники в антисоветской работе кулачества и агитаторы против сдачи хлеба заготовительным органам. Каждая общественная организация привлекалась к антирелигиозной деятельности: Наркомпрос – к борьбе с религией в школе, Главлитискусство – к постановке антирелигиозных пьес, Главлит и Главлитпросвет – к изданию антирелигиозной литературы на разных языках, Партийные комитеты и исполкомы – к использованию загсов в борьбе с поповщиной, ПУРБ – к подготовке из красноармейцев активных антирелигиозников для деревни. Комитету по делам печати не разрешалось снабжать бумагой религиозные издательства. ОГПУ должно было контролировать религиозные общества.

Президиум ВЦИК 8 апреля 1929 г. принял постановление «О религиозных объединениях», запрещающее им использование своего имущества для внебогослужебных целей, оказание материальной помощи своим членам, организацию различных собраний и экскурсий, устройство детских площадок, открытие библиотек и читален, организацию санаториев и лечебной помощи⁷.

Представители бухаринской оппозиции предупреждали о вреде излишних административных мер в борьбе с «религиозным дурманом», так как «дурман находится в головах людей»⁸. Они говорили о том, что нельзя считать всех верующих врагами социализма⁹. На II съезде Союза безбожников Бухарин произнес речь о необходимости долговременной пропаганды и культурного строительства в антирелигиозном вопросе в условиях поднятия сельского хозяйства¹⁰. Ярославский просматривал речь Бухарина перед его выступлением и одобрил ее. За это он подвергся критике в «Комсомольской правде». Возглавляемый им «Союз безбожников» был обвинен ЦК ВЛКСМ в «примиренческом» отношении к религии. Вскоре Ярославский переименовал «Союз безбожников» в «Союз воинствующих безбожников» и объявил о начале «безбожной пятилетки». В докладе Ярославского «О пятилетнем плане работы безбожников» подчеркивалось, что «процесс сплошной коллективизации связан с ликвидацией значительной части церквей» и что его нельзя отрывать от пятилетнего плана СВБ. В 1929 г. началось повсеместное закрытие церквей. Одним из первых был закрыт в Москве малый собор Донского монастыря в целях ликвидации «культа» Патриарха Тихона.

Ужесточив борьбу с религией, АРК, очевидно, должна была реагировать на критику. 29 мая 1929 г. АРК приняла проект «о необходимости более вдумчивого и осторожного подхода к закрытию церквей и прочих молитвенных домов», который в августе Тучкову пришлось оправдывать самоуправством местных властей и сложной ситуацией с хлебозаготовками на Украине и Северном Кавказе. Во исправление своей «мягкой» линии АРК 10 августа 1929 г. приняла проект срочного обследования с участием ОГПУ всех существующих монастырей с целью их превращения в советские учреждения. Также было решено предложить СВБ срочно расширить количество антирелигиозных изданий. АРК пыталась доказать пользу своей работы. 16 августа начальник 6-го («церковного») отделения Секретного отдела ОГПУ и по совместительству секретарь АРК Тучков подготовил доклад об усилении репрессий «по отношению к церковникам на местах за их антисоветскую деятельность», а также об уменьшении тиражей периодики религиозных организаций и о своих успехах в деле навязывания решений митрополиту Сергию (Страгородскому)¹¹. По требованию Тучкова в августе 1929 г. Синод принял постановление № 1864, в котором таинства, совершаемые запрещенными в священнослужении клириками объявлялись недействительными. Постановление было направлено, в первую очередь, против сторонников митрополита Иосифа (Петровых), выступавших против подчинения Церкви контролю ОГПУ. Тучков писал о положении Заместителя Патриаршего Местоблюстителя в августе 1929 г.: «Митрополит Сергей по-прежнему всецело находится под нашим влиянием и выполняет все наши указания». Заявление о таком успехе своей деятельности Тучков подкреплял, в частности, следующим сообщением: «Сергиевским синодом выпущен циркуляр епархиальным архиереям с возложением на них ответственности за политическую благонадежность служителей культа и с предписанием репрессирования по церковной линии за а[нти]с[оветскую] деятельность. Сам Сергей также приступил к этому репрессированию, увольняя виновных попов»¹².

Как следует из современных публикаций, упомянутый Тучковым циркуляр за № 911, действительно, был выпущен митрополитом Сергием и Временным при нем Патриаршим Священным Синодом 2 апреля 1929 г. и затем разослан по епархиям; копии его отложились в некоторых региональных архивах. Этот циркуляр, в частности гласил: «В послании от 16/29

июля 1927 г. я вместе с Синодом, от лица всей иерархии, подведомой Московской Патриархии, засвидетельствовал наше решение со всею искренностью быть лояльными гражданами Советского Союза, послушными его властям и законам, и отмежеваться от всяких предприятий и замыслов, направленных против Союза и его правительства... Но эти наши усилия тогда будут иметь разумный смысл, когда они будут поддержаны усилиями всего верного Патриархии духовенства, начиная от Епархиальных Преосвященных и кончая простыми клириками; иначе говоря, когда мы одинаково проникнемся сознанием всей серьезности лежащих на нас гражданских обязательств перед Союзом и всей недопустимости их нарушения, и каждый в своей сфере будет проводить это сознание в жизнь... Патриархия, изъявившая свою полную лояльность и покорность Соввласти, несет перед правительством ответственность за лояльность всего духовенства, идущего за Патриархией, так и все Преосвященные архипастыри каждый в своей епархии несут нравственную и служебную ответственность за лояльность подведомого им духовенства.

Поэтому наш Архипастырский долг не только пассивно самим не нарушать лежащих на нас гражданских обязанностей, но и подведомое нам духовенство руководить в принятом направлении, разъясняя ему всю законность с христианской точки зрения и правильность предъявляемых к ним этих наших требований и всю недопустимость их неисполнения, а тем более открытого нарушения. К духовным лицам, не желающим или неспособным скоро усвоить себе правильное отношение к существующему государственному и общественному порядку, необходимо применять те или иные меры церковного воздействия. Если же паче чаяния, кем-либо из духовенства епархии будет допущено то или иное действие или выступление противоправительственного характера, Епархиальный Преосвященный обязан немедленно донести о нем Патриархии, сообщая вместе с тем и о мерах, принятых по отношению к виновному»¹³. Были ли в ответ на этот циркуляр какие-то донесения в адрес Патриархии со стороны епархиальных архиереев, не известно, но то, какую роль ОГПУ пыталось навязать иерархии Русской Православной Церкви, данный документ иллюстрирует весьма ярко.

Сосредоточив в своих руках неограниченную власть, Сталин взял безжалостный курс на уничтожение крестьянства и замену его сельскохозяйственным пролетариатом – классом платных и зависимых от бюрократии батраков. Попутно признавалось необходимым подавить в народе исконный национальный и государственный инстинкт, уничтожить семейные и религиозные традиции, т. е. «ударить по кулачеству...», чтобы оно не могло больше подняться на ноги»¹⁴. Правительство отправило в деревню десятки тысяч коммунистов, комсомольцев, рабочих и учащихся, которые вместе с представителями местных партячек и агентами ОГПУ вели агитацию за вступление в колхозы среди крестьян. Летом 1929 г. ОГПУ приступило к «колонизации» Нарымского края – для освоения тайги необходима была массовая депортация крестьян¹⁵.

О «сплошной коллективизации» объявила 31 октября 1929 г. газета «Правда». После «разгромного» ноябрьского Пленума ЦК «правая» бухаринская оппозиция была выведена из состава Политбюро. Ликвидация кулачества как класса была объявлена Сталиным 27 ноября. Под сталинский имущественный критерий кулаков (лица, занимающиеся торговлей, сдающие в наем помещения и технику, имеющие мельницу или маслобойню и пр.) подпадала большая часть крестьянства, сельского священства и другие различные социальные элементы¹⁶. К кулакам причисляли и последних бедняков, называя их «подкулачниками». В сводках ОГПУ Сталину говорилось о том, что духовенство не сдает излишки хлеба, произносит антисоветские проповеди, устраивает службы с колокольным звоном во время собраний по хлебозаготовкам, созывает набатом население на защиту церкви от безбожников, участвует в нелегальных собраниях кулаков¹⁷.

В 1929 г. в СССР была введена «подвижная» рабочая неделя: пять дней рабочих, шестой – выходной, таким образом верующие лишались возможности посещать храм каждое воскресенье. Президиум ВЦИК 15 декабря 1929 г. издал постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквях» горсоветами и райкомами¹⁸. Это был сигнал к повсеместному запрещению звона с целью последующей конфискации бездействующих колоколов.

Логика нового открытого сталинского наступления на религию диктовала ликвидацию Антирелигиозной комиссии – коллегиального органа ЦК ВКП(б), учрежденного еще в 1922 г., в период негласного руководства Троцкого антирелигиозной борьбой. Последнее заседание АРК прошло 4 ноября 1929 г. На этом заседании АРК санкционировала закрытие церкви в города Иваново, практически запретила колокольный звон, лишила священнослужителей, имеющих «культовый доход», права землепользования. Постановление Политбюро от 30 декабря 1929 г. о ликвидации Антирелигиозной комиссии и передаче дел антирелигиозной пропаганды в Секретариат ЦК показало со всей очевидностью, что Секретариат ЦК решил усилить непосредственный контроль в сфере религиозных вопросов.

В том же декабре 1929 г. в СССР появился новый орган, осуществлявший взаимодействие государства с Церковью – Постоянная Центральная Комиссия по вопросам культов ВЦИК во главе с Смидовичем. В отличие от упраздненной АРК, новая Комиссия ВЦИК была гласной, однако почти все ее документы имели гриф «секретно». Ответственным секретарем Постоянной комиссии по вопросам культов, как и ранее Антирелигиозной комиссии, был Тучков. В Комиссию в 1930 г. также входили Красиков (с 1924 г. прокурор Верховного суда СССР), Олещук (ответственный секретарь ЦС «Союза воинствующих безбожников») и др. Постоянная Комиссия 31 декабря 1930 г. частично приняла дела религиозного характера из ОГПУ.

Государственные структуры обращались в Комиссию с просьбами и предложениями. Так в 1930 г. Наркомфин в секретном письме просил, для выполнения задания по цветметаллу, разрешить изъятие колоколов на местах, где запрещен колокольный звон. Так, на митинге в поселке Васильева Городецкого района Нижегородского округа 6 января 1930 г., 1500 человек единогласно решили: «Снять колокола со всех церквей поселка и средства использовать на благоустройство, водопровод, электрификацию и часть на индустриализацию...»¹⁹. Калинин стали поступать жалобы об изгнании священников из домов с отображением имущества, в частности и за колокольный звон к праздникам. В городах колокола сбрасывали под предлогом, что они мешают слушать радио и оскорбляют религиозные чувства нехристиан, после чего использовали их в театральных постановках. В Москве за 1928-1930 гг. было ликвидировано 80 храмов, с каждого вывозилось по несколько тонн металла (колокола, паникадила, подсвечники, хоругви, купели, бронзовые решетки).

Для повсеместного закрытия церквей использовалась практика непосильного налогообложения молитвенных зданий. Если верующим удавалось набрать нужную сумму, рабочие окрестных предприятий заявляли о необходимости для них церковного помещения. Комиссия постановила 6 февраля 1930 г. в деле ликвидации молитвенных зданий «опираться на активное участие широких масс» и пересмотреть закон об отделении Церкви от государства от 8 апреля 1929 г. «в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса приходов»²⁰. Зарегистрированные общины верующих имели право ходатайствовать об открытии храма, собирая подписи, но этому препятствовали власти. Безбожники устраивали свой сбор подписей против открытия церкви, используя подписи несовершеннолетних и прибегая к фальсификации. Известны случаи, когда верующих, ходатайствующих об открытии храма, запирали в холодное помещение и запугивали карательными мерами. Жизнь приходов контролировалась инспекторами по наблюдению и негласными осведомителями ОГПУ. Священника могли в любой момент снять с регистрации,

а храм закрыть. Незаконные административные меры местных властей привели к выходу из колхозов середняков, требованиям сельчан об освобождении священнослужителей, открытии церквей, возвращении колоколов, разрешении религиозных шествий. Слишком широкое освещение в прессе кампании по закрытию церквей вызывало недовольство власти. В марте 1930 г. Политбюро объявило выговор редактору газеты «Рабочая Москва» за публикацию о закрытии 56 церквей²¹.

Циркуляром Наркомата финансов СССР от 2 января 1930 г. религиозным объединениям воспрещалась торговля или промышленная деятельность²². Тем не менее, Комиссия 6 января постановила лишить служителей культа права пользования землей наравне с лицами, занимающимися торговлей и эксплуатацией труда в промышленных предприятиях, лишенными избирательных прав. Общее налогообложение священников, псаломщиков и сторожей храмов доходило до 168%. На имя Калинина поступали жалобы такого содержания: «Служителей культа стараются обложить по всем линиям и в таких размерах, чтобы они не смогли выполнить предъявленные им требования. И тогда у них конфискуют имущество, даже самое необходимое для семьи, а семья выселяется»²³. За «невыполнение задания» по сдаче 100 кг мяса священников П.А. Кордовского и Н.М. Образцова из села Истоми Ржевского района Западной области присудили к штрафу по 250 рублей. К тому времени у священников уже не было имущества, поэтому за неуплату их отдали под суд²⁴. Прихожане села Ижевского Московской области пожаловались, что у них на несколько месяцев отбирают священника, которому дано задание выпилить в 45 км от села 140 кубометров дров, несмотря на отсутствие навыка в этой работе²⁵.

Постановление Политбюро от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» содержало рекомендацию Оргбюро ЦК «дать директиву по вопросу о закрытии церквей». Директива последовала и была принята к немедленному исполнению. В итоге к марту 1930 г. произошло массовое (до 30%) закрытие приходских церквей. Постановление ВЦИК и СНК СССР (февраль 1930 г.) «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» гласило: «В целях борьбы с попытками враждебных советской власти элементов использовать религиозные объединения в качестве опорных пунктов для ведения контрреволюционной работы Центральный исполнительный комитет и СНК Союза ССР постановляют: «Предложить правительствам союзных республик немедленно поручить органам, производящим регистрацию религиозных объединений, пересмотреть состав руководящих органов этих объединений в целях исключения из них... кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц.... Не допускать впредь проникновения в эти органы указанных лиц, систематически отказывая в регистрации религиозных объединений, при наличии упомянутых выше условий. Настоящее постановление распространяется на религиозные объединения всех культов, толков, религиозных течений и проч....». Под новую ситуацию подгоняется и законодательство. Постоянная Комиссия ВЦИК 6 февраля 1930 г. приняла решение: «Признать, что в связи с развертыванием кампании по закрытию молитвенных зданий закон об отделении церкви от государства от 8 апреля 1929 г. подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса прихода». Тогда же право окончательного решения вопроса о закрытии культовых зданий было передано краевым и областным Советам.

Духовенство было обложено огромными налогами, в случае невыплаты которых священники и члены приходских советов подлежали аресту, а церковные здания — закрытию²⁶. Чтобы выжить, духовенству приходилось обходить эти законы и жить в постоянном страхе, что их уличат в незаконных действиях. Одновременно секретным постановлением Президиума ВЦИК «О налоговом обложении настоящих и бывших

служителей культа за 1930-1931 гг.» создавался мощный инструмент давления на верующих, на духовенство и их семьи с целью склонить их отречься от Бога²⁷.

После очередного постановления ВЦИК и Совнаркома от 10 января 1930 г. «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам» вышел приказ ОГПУ СССР о порядке проведения ликвидации кулачества как класса. Для подготовки борьбы с «кулаками» были специально созданы «тройки», состоящие из секретаря партийного комитета, председателя местного исполкома и местного уполномоченного от ОГПУ, а также комиссии и бригады по раскулачиванию. Члены бригад, часто сводя личные счеты, обирали крестьян почти до нитки, присваивая их имущество или продавая на торгах своим же сотоварищам по копеечным ценам.

К первой из трех категорий относились «кулаки», «участвовавшие в контрреволюционной деятельности»: противодействующие социалистической реконструкции хозяйства, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье в контакте с белогвардейцами и бандитами, а также «активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя». Список «кулаков первой категории» составили по плану ОГПУ 60 тысяч отцов семейств. Их предписывалось арестовать и отправить в лагеря (в случае сопротивления расстрелять), семьи высылались, а имущество конфисковывалось. В феврале 1930 г. план по первой категории был в несколько дней перевыполнен. По одному из самых распространенных в эти годы обвинений – в «агитации против сплошной коллективизации» известны случаи расстрелов.

«Кулаки второй категории» – не контрреволюционеры, но «склонные помогать контрреволюции» – высылались вместе со своими семьями в отдаленные регионы страны. «Кулаки третьей категории» – «в принципе лояльные к режиму» – выселялись на худородные земли, «требующие возделывания». К «кулакам» также были отнесены те, «которые слишком прилежно посещали церковь». Списки составляли «активисты» – в каждой деревне этой были, как правило, молодой коммунист с двумя помощниками из бедных крестьян. В ходе коллективизации пострадала самая работающая часть крестьянства. Спецпереселенцев после суточных сборов, месяцами везли в набитых до отказа вагонах для скота на Север, в Сибирь или в Казахстан. В городах, где происходила сортировка переселенческих потоков (например, в Вологде, Ростове, Свердловске, Омске), составы вместе с пассажирами неделями оставались без движения. Об их бедственном положении местное население писало многочисленные коллективные письма в Москву. Депортация «кулаков» второй и третьей категорий происходила вразрез с намеченным планом. Не хватало поездов, лошадей – крестьяне зачастую вынуждены были оставлять по пути свое последнее имущество и провизию. Не были созданы условия размещения прибывших: в Архангельске, например, к приезду спецпереселенцев из запланированных 1641 барака было построено только 7, в районах Карагандинской степи их начали строить через несколько месяцев по прибытии крестьян. Первые месяцы в тайге или степи люди жили в ямах или землянках, усталых тряпьем, без работы, без государственного пайка, без посуды. Воду из имевшихся в окрестностях водоемов вскипятить было почти невозможно – начались эпидемии. Не было орудий труда и необходимых предметов быта. Наблюдалась высокая смертность по пути и по прибытии: в ряде районов погибли практически все дети и старики и множество взрослых от голода и болезней. Нередкими были побег.

Коллективизации повсеместно сопутствовали «раскулачивание», закрытие церквей, судебные и несудебные расправы над духовенством и активными верующими. Закрытие церквей сопровождалась их осквернением, превращением в хозяйственные и складские помещения, в клубы и музеи, а в городах на месте разрушенных церквей нередко строились общественные туалеты, как, например, на месте Казанского собора на Красной площади в

Москве. По всей стране сжигались иконы и богослужебные книги. Разрушение храмов в городах изменило их исторический облик. Особенно это заметно в Москве, где значительная часть закрытых храмов была разрушена.

Начались массовые аресты «церковников». В 1929-1930 гг. репрессиям («раскулачиванию») была подвергнута основная масса сельского духовенства, которое проходило по крупным групповым делам о контрреволюционных организациях. Особый циркуляр ОГПУ предлагал местным органам сценарий новых репрессий против верующих: «наиболее реакционные элементы церковников в последнее время вышли далеко за пределы своей обычной реакционной деятельности и вступили на путь политической борьбы с соввластью... они принимают активное участие в белогвардейских, повстанческих и других к.-р. организациях и группах. В целом ряде раскрытых и ликвидированных нашими органами за последнее время... организаций церковники играли руководящую роль. Некоторые видные церковные деятели возглавляли даже отдельные центры или филиалы той или иной к.-р. организации»²⁸.

Развернув масштабное гонение на Церковь, сталинское руководство пыталось изобразить, что ничего особенного не происходит. В подготовленном лично Сталиным, Молотовым и Ярославским «Интервью митрополита Сергия представителям советской прессы» от 15 февраля 1930 г. говорилось, что гонений на религию в СССР нет и никогда не было, что закрытие церквей происходит не по инициативе власти, а по желанию населения, что репрессии в отношении верующих и священнослужителей применяются к ним не за религиозные убеждения, а за противоправительственные деяния. В интервью осуждались выступления о гонениях в зарубежной печати, обращения к советскому правительству папы Римского и архиепископа Кентерберийского.²⁹ Спустя три дня от лица митрополита Сергия было дано подобное интервью иностранным корреспондентам³⁰.

В обмен на согласие с публикацией в «Известиях» интервью от его имени митрополит Сергей 19 февраля 1930 г. подал Смидовичу «Памятную записку о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР». В ней митрополит Сергей писал, что при закрытии церквей решающим должно быть не желание неверующей части населения, а наличие верующих и могущих пользоваться данным зданием. Также он просил уменьшить налоги церковных зданий, отменить сельскохозяйственные, индустриальные и госзаймовские сборы, сборы за страхование певчих, взимание с духовенства авторских гонораров драмсоюзу за богослужебное пение. В записке выражались просьбы священников, например, о предоставлении возможности образования их детям. Митрополит Сергей просил открыть духовные учебные заведения и разрешить издательскую деятельность³¹. Некоторые послабления были, но ненадолго. Так, например, в 1931 г. вышел первый номер «Журнала Московской Патриархии» (объемом в пять страниц, выходил до 1935 г.).

Вероятнее всего, основной причиной смягчения гонения было то, что закрытие церквей вызвало массовое сопротивление со стороны крестьян. Как отмечалось в информации с мест, нередко возмущения крестьян носили «характер массовых выступлений», в которых принимали участие «средняки, бедняки, женщины, демобилизованные красноармейцы и даже представители сельских властей». Сопротивление закрытию церквей совпало с массовыми волнениями и даже восстаниями крестьян против насильственной коллективизации, которых в 1929 г. было зафиксировано до 1300. Только в январе-марте 1930 г. ОГПУ отметило 7976 массовых крестьянских выступлений протеста³². За 1930 г. ОГПУ зафиксировало 13755 массовых выступлений, в которых участвовало почти 2,5 млн человек³³. В результате власти пришлось временно отступить.

2 марта 1930 г. все советские газеты опубликовали статью Сталина «Головокружение от успехов», где ответственность перекладывалась на членов комиссий и бригад по

раскулачиванию. После выхода статьи уже в марте колхозы покинули миллионы крестьян, восстания продолжались. Большинство первых колхозов, созданных в 1929 г. насильственными методами, рухнуло после того, как партийное руководство заявило о допущенных «перегибах», однако работа по вовлечению крестьян в сельхозартели продолжалась. В статье «Головокружение от успехов» Сталин высмеял практику закрытия церквей при организации колхозов и осудил методы насильственной коллективизации³⁴. В принятом 14 марта 1930 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» ЦК потребовал «решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке». Антицерковная кампания несколько приутихла. От тех трагических лет сохранился интересный документ. В нем Наркомат внутренних дел сообщал в высшие государственные и партийные инстанции об поразительных изменениях в отношении населения к своим храмам: «...Поступившие от административных управлений краев и областей сведения о подъеме антирелигиозного настроения, связанные с сообщением о чрезвычайно быстром темпе коллективизации сельского хозяйства, прекратились одновременно с прекращением преувеличенных сведений о все ускоряющемся темпе устремления широких середняцких масс в колхозы, под очевидным влиянием начавшейся ликвидации перегибов. Если осенью 1929 г. и прошлой зимой сводки пестрели донесениями об огромном количестве постановлений общих собраний граждан о ликвидации религиозных обществ, закрытии зданий культа, запрещении колокольного звона, то с февраля-марта текущего года мы имеем совершенно обратное положение: донесения из ряда мест говорят об отливе середняков из колхозов, сопровождающемся серьезным движением за открытие церквей, возвращение снятых колоколов, освобождение высланных служителей культа. Если до этого в административные отделы поступило большое количество ходатайств об оформлении закрытия церквей, то теперь усилилось поступление заявлений с просьбой об открытии церквей, о разрешении религиозных шествий и т.п.»³⁵.

Об испуге и колебаниях, не знающих как реагировать на ситуацию властей в этот период, свидетельствует появление в 1930-1931 гг. целого ряда секретных инструкций ВЦИКа и Наркомфина с требованиями снизить ставки налогов с духовенства, определить их максимальные пределы и т.п. Так, циркуляр ВЦИК от 20 июня 1930 г. указывает на главные нарушения законов о культах:

1. Произвольное изъятие у верующих культовых зданий и одностороннее расторжение с ними договоров.
2. Чрезмерное налоговое обложение зданий и духовенства.
3. Неправильное лишение духовенства жилплощади.
4. Незаконное чинение препятствий духовенству в «отправлении культа».

Активизировалась деятельность Постоянной комиссии при ВЦИК. После упразднения в 1930 г. союзного и республиканских (в том числе автономных республик) наркоматов внутренних дел эта комиссия осталась единственным государственным органом, на который возлагалась «обязанность общего руководства и наблюдения за правильным проведением в жизнь политики партии и правительства в области применения законов о культах на всей территории РСФСР».

Процесс закрытия храмов временно приостановился, в ряде случаев неправомерные решения были отменены. Более того, в Московской области уже к июню вновь были открыты 545 церквей. Так было и в ряде городов: Вятке, Чите, Ленинграде, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Свердловске и т.д. Нередко Комиссия обязывала местные власти привлекать к уголовной или административной ответственности должностных лиц, нарушивших закон. Правда, нет сведений о том, что эти рекомендации были выполнены. 20 июня 1930 г. Калинин в секретном письме к членам ЦИК автономных республик, краев и

областей призвал смягчить правила налогообложения и не допускать изъятия здания культа, если оно единственное в данной местности, или протестует значительная часть населения, или нет срочной общественной надобности; Наркомфин 20 февраля 1931 г. издал циркуляр, регулирующий налогообложение³⁶. Постоянная Комиссия добивалась закона о том, чтобы «служителей культа» не лишали жилой площади как лиц, не имеющих избирательных прав³⁷. Однако нарушения на местах продолжались. Комиссия не считала нужным возвращать неправильно ранее взысканные налоги и сборы. В Московской и других областях священнослужителей продолжали выселять. Вынужденные снимать жилье, священно- и церковнослужители сталкивались с требованием финотделов заплатить около 70% своего дохода, тогда как согласно циркуляру Президиума ВЦИК от 20 июня 1930 г. плата служителей культа за жилье и коммунальные услуги не должна была превышать 30% общего дохода.

Согласно докладу Тучкова на заседании Постоянной Комиссии 6 января 1930 г. было решено в три месяца провести обследование и представить план ликвидации действующих монастырей. К началу 1930-х гг. многие из разграбленных властью монастырей превратились в тюрьмы, концлагеря, военные пункты. В ноябре 1933 г. Комиссия ответила иностранным корреспондентам, что после ликвидации монастырей института монахов, как такового, в РСФСР не существует, сохранились отдельные монахи «в лице служителей культа при действующих церквах»³⁸. Многие храмы были взорваны. О готовности властей продолжать запланированное наступление на деревню и Церковь свидетельствовал взрыв храма Христа Спасителя в Москве в декабре 1931 г.

Летом 1931 г. руководители СВБ заявили, что они объединяют 5 млн. членов и намереваются довести численность союза до 10 млн. человек³⁹. Каким способом в столь короткий срок удалось достичь столь невероятной цифры? По мнению В.А. Алексеева, именно столько было отпечатано и отправлено на места бланков членских билетов. Эти миллионы формировались за счет коллективного членства заводов и фабрик в СВБ. Статистика индивидуального членства отсутствовала. По свидетельству архивов СВБ, как массовая организация она существовала только на бумаге, в основном на страницах прессы. Но если тиражи членов СВБ и были липовыми, то тиражи издаваемой в стране антирелигиозной литературы действительно росли. Власти не экономили на ее издании: тираж газеты «Безбожник» в 1931 г. достиг полумиллиона экземпляров, а тираж одноименного журнала – 200.000 экз.

Новый виток коллективизации привел к автоматическому возобновлению репрессий против духовенства. Собственно, размах гонений стремительно нарастал уже с 1927 г., что хорошо видно из собранной в ПСТГУ статистики репрессий. Если принять число арестов по «церковным делам» в 1926 г. за 100%, то в 1927 г. этот показатель равен 164%, в 1928-м – 223%, в 1929-м – 782%, в 1930-м – 2173%⁴⁰. За 1929–1933 гг. (т.е. за период коллективизации) было арестовано около 40 тысяч верующих и священнослужителей. Только в Москве и Московской обл. было арестовано 4 тысячи человек⁴¹. Одним из самых масштабных следственных дел рассматриваемого периода стало дело т. н. «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь» 1930-1931 гг. По версии следствия, «Всесоюзная организация ИПЦ» имела два центра. «Церковно-политический» центр во главе с профессором А.Ф. Лосевым «ставил своей задачей общеполитическое руководство организацией». Второй центр, «церковно-административный», возглавлялся митрополитом Иосифом (Петровых) и его помощником епископом Димитрием (Любимовым). Ключевой фигурой, связывавшей воедино оба центра, являлся, по версии следствия, М.А. Новоселов. К делу «всесоюзных центров» были приобщены материалы множества других заведенных на периферии следственных дел, в которых фигурировали уже сотни людей. Всего одних обвинительных заключений в деле

собрано шестнадцать. Число людей, обвиняемых в них, превышает девятьсот человек. По этому показателю дело «Всесоюзной организации ИПЦ», возможно, является самым крупным из «церковных» дел. Следствию вполне удалось придать делу «всесоюзный» характер⁴². В период с 1930 года по 1932 год прошло следствие по целому ряду групповых дел монастырей и храмов. Так, например, дело игумении Новодевичьего монастыря Веры (Победимской) и других монашествующих Москвы (50 человек) составило 12 томов.

Среди приговоров, выносимых служителям Церкви, вновь стали встречаться приговоры к высшей мере, прекратившиеся, было, с 1923 г. Так, 2 февраля 1930 г. в Москве был расстрелян священномученик епископ Василий (Зеленцов). В г. Майкопе как «руководитель Черноморского филиала ИПЦ» был расстрелян епископ Варлаам (Лазаренко). В августе 1930 г. в Воронеже были расстреляны преподобномученики архимандрит Тихон (Кречков), иеромонах Георгий (Пожаров), иеромонах Косма (Вязников), священномученики протоиерей Александр Архангельский, священник Сергей Гортинский, священник Георгий Никитин, мученики Ефим Гребенщиков, Петр Вязников. По данным статистики, собранным в ПСТГУ, в те годы был расстрелян каждый десятый из числа арестованных по «церковным» делам, то есть несколько тысяч человек. По своему размаху волна гонений на Церковь, связанных с коллективизацией, в пять раз превзошла предыдущую волну 1922-1923 гг., поднятую в связи с кампанией изъятия церковных ценностей и насаждения обновленческого раскола⁴³. Гонения периода коллективизации стали своего рода генеральной репетицией «Большого террора» 1937-1938 гг., призванного по замыслу его инициаторов окончательно покончить с Церковью.

В заключение подведем итоги влияния коллективизации на религиозную жизнь страны.

В результате этой политики и ее продолжения в последующие годы деревня лишилась почти всех храмов. Сельскую местность покинули отчасти принудительно, из-за высылки, отчасти добровольно, убягая в города почти все активные носители православной веры, способные поддерживать веру у окружающих.

Желательные для безбожников результаты, однако, не были достигнуты. Перепись 1937 г. показала, что две трети сельского населения сохраняют веру. Очевидно, что та часть крестьян, которая убежала в города, спасаясь от «колхозного рабства», повысила процент заявивших о своей вере во время этой переписи в городах.

Несомненно, что уход религиозных активистов из деревни, равно как и обстановка, в которой оказались высланные и убежавшие в городе, способствовала частичному отходу от веры молодого поколения, к чему стремилась безбожная власть. Такой отход и так имел бы место из-за невозможности для верующей молодежи карьерного роста. Отсутствие людей, способных научить молодежь вере в деревне, облегчение освобождения из мест ссылки для неверующих и непривычная обстановка в городах, частичной потере связи с «столпами веры» способствовали росту количества отпавших.

В процессе коллективизации были отработаны новые приемы антицерковных действий, связывавшие их с крупными общественными преобразованиями и репрессиями ГПУ, сопровождавшимися давлением союза безбожников на региональную власть, приводившее к массовым противозаконным акциям.

Антицерковные мероприятия ГПУ продолжали осуществляться отделом, возглавлявшимся Е.А. Тучковым, но отчитываться он должен был только перед своим руководителем Г.Г. Ягодой.

Принятая в конце периода коллективизации так называемая «безбожная пятилетка» явно указывала на переход к политике тотальных репрессий и на отказ от ориентации на обновленческие группировки. Возможно, даже принявший этот план Союз воинствующих безбожников рассматривал его как приблизительный и ориентировочный. Партийными

государственными органами, без поддержки которых предусмотренную планом полную ликвидацию духовенства нельзя было осуществить, этот план формально не утверждался, но их одобрительное молчание свидетельствовало о согласии.

Несмотря на террор, представители церковных общин не переставали протестовать против незаконных закрытий храмов.

Когда в 1934 г., по просьбе епископов, митрополит Сергей стал называться «Блаженнейшим», сделался митрополитом Московским при живом Местоблюстителе митрополите Петре, продолжавшем находиться в заключении, многие оппозиционеры рассматривали это как шаг к полной ликвидации Патриаршества. Роспуск Патриаршего Синода в 1935 г. почти в одно время с обновленческим Синодом, подтверждал подозрения о готовности митрополита Сергея исполнить любое распоряжение безбожной власти. В это же время митрополитом Сергием был запрещен митрополит Евлогий (1930 г.) и Зарубежный Синод (1934 г.).

При широкомасштабных репрессиях против Церкви заявления иерархии об отсутствии гонений могли лишь подрывать ее авторитет в глазах верующих. Но к значительным отходам от митрополита Сергея это не привело. Не оправдался расчет обновленческих вождей, подсказывавших ГПУ, каких заявлений надо добиваться от «тихоновцев», что их соперники будут дискредитированы, и обновленцы смогут убедить верующих, что они являются не предателями, а мудрыми пастырями, раньше «тихоновцев» выработавшими правильную политику в отношении власти.

В заключение следует заметить, что в результате длительного существования колхозов, возникших при коллективизации, произошло печальное вырождение сельских жителей. Деревню продолжала покидать талантливая молодежь, распространялось пьянство. К концу XX века при сохранении верующих и в деревне, сельское население перестало быть опорой православия в стране, как это было в предшествующее тысячелетие.

¹ Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией. 9 сентября 1927 г. // Правда. 1927. 15 сент.

² Сталин И. В. Собр. соч. Т. 10. М., 1952. С. 324.

³ Митрофан (Шкурин), игумен. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)–ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922–1929 гг. Дис. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук. Машинопись. М. 2005. С. 111–112.

⁴ Дамаскин (Орловский), игумен. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // ПЭ. РПЦ. С. 184.

⁵ Митрофан (Шкурин), игумен. Антирелигиозная комиссия. С. 112.

⁶ Политическое Управление Революционного Военного Совета Республики.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – М., НКЮ, 1929. № 35. С. 474–483.

⁸ Правда. 1929. 15 мая.

⁹ Митрофан (Шкурин), игумен. Антирелигиозная комиссия. С. 106.

¹⁰ Там же. С. 105.

¹¹ Митрофан (Шкурин), игумен. Антирелигиозная комиссия. С. 121–122.

¹² Цит. по: Сафонов Д. В. «Завещательное послание» Патриарха Тихона и «Декларация» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея // <http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-zaveschanie3.htm>.

¹³ См.: Мазырин А., иер. К истории взаимоотношений церковной и государственной властей в конце 1920-х – 1930-х гг. // XVII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 256–264.

¹⁴ Сталин И. В. Собр. соч.: В 13 т. М., 1949. Т. 12. С. 167–168.

¹⁵ Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / Сост. С. Куртуа и др. 2-е изд. М., 2001.

¹⁶ Приказчикова О. Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 52.

¹⁷ Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 7. С. 296.

¹⁸ Приказчикова О. Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 49.

-
- ¹⁹ Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929-1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 50.
- ²⁰ Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929-1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 62.
- ²¹ Дамаскин (Орловский), игум. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // ПЭ. РПЦ. С. 184.
- ²² Бюллетень Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР. – М. 1930 – апрель (№11).
- ²³ Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929-1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 53.
- ²⁴ Там же. С. 53.
- ²⁵ Там же. С. 54.
- ²⁶ С 1930 г. налог на духовенство составил 75% доходов, как «нетрудовых». Была установлена непомерно высокая квартплата, оставшаяся таковой по 1943 г. включительно.
- ²⁷ Оно освобождало от сельхозналога всех бывших духовных лиц, снявших сан до 1 мая 1930 г.
- ²⁸ Митрофан (Шкурин), игум. Антирелигиозная комиссия. С. 128.
- ²⁹ Известия ЦИК. 1930. 16 февр.
- ³⁰ Известия ЦИК. 1930. 19 февр.
- ³¹ Акты. С. 689–691.
- ³² См.: Конквекст Р. Большой террор. Рига, 1991. Т. 2. С. 386; Митрофан (Шкурин), игум. Антирелигиозная комиссия. С. 104.
- ³³ Хлевнюк О.В. государственный террор в 30-е годы // История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002. С. 119.
- ³⁴ «Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революционерах», которые дело организации артели начинают со снятия с церковей колоколов» // Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., С.303.
- ³⁵ Одинцов М. Хождение по мукам // Наука и религия. М., 1990. № 7.
- ³⁶ Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 60–61.
- ³⁷ Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 59.
- ³⁸ Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 63.
- ³⁹ Как следует из передовой статьи «Антирелигиозника» (1930. № 3. С. 3), перед СВБ ставилась задача добиться роста численности с 0,5 млн. (1930) до 7 млн. (1931) и 17 млн. (к 1933 г.) с тем, чтобы в следующей пятилетке превратить в активных безбожников 22 млн. советских граждан.
- ⁴⁰ Данные для расчета см.: http://pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html?ans
- ⁴¹ Дамаскин (Орловский), игум. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // ПЭ. РПЦ. С. 184.
- ⁴² См.: Мазырин А.В. Следственное дело «Всесоюзной организации ИПЦ» как источник по новейшей истории Русской Православной Церкви // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2002 г. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 188–196.
- ⁴³ См.: Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. (по данным на январь 1999 г.) // Богословский сборник. Вып. 3. М.: ПСТБИ, 1999. С. 269.